U 371/705

2010515108

И 371/705

18448-46

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

АКАДЕМИКА А. Ѳ. БЫЧКОВА.

Писатели, одаренные необыкновеннымъ талантомъ, пользуются, между прочимъ, и тѣмъ заслуженнымъ преимуществомъ, что произведенія ихъ, хотя бы и были писаны на языкѣ мало распространенномъ и мало извѣстномъ, постепенно становятся достояніемъ всего образованнаго міра, предметомъ живаго его вниманія и тщательнаго изученія.

И. А. Крыловъ, столѣтнюю годовщину котораго со дня его рожденія Академія Наукъ сегодня празднуетъ, принадлежитъ къ небольшому избранному кружку русскихъ писателей, художественныя творенія которыхъ литературы Западной Европы уже давно старались себѣ усвоить.

Почти съ появленіемъ первыхъ своихъ басенъ, завоевавшій вниманіе своихъ соотечественниковъ и безусловныя ихъ похвалы, Крыловъ естественно долженъ былъ заинтересовать и иностранцевъ, преимущественно французовъ, до слуха которыхъ доносилось усвоенное нашему баснописцу, по образцу XVIII столѣтія, прозваніе русскаго Лафонтена.

Но изъ произведеній всѣхъ русскихъ писателей художественная передача на иностранные языки твореній нашего знаменитаго баснописца представляетъ трудности почти непреодолимыя.

Чѣмъ талантъ самобытнѣе, тѣмъ болѣе бываетъ работы переводчику; но чѣмъ болѣе въ сочиненіи отражается особенностей

народной жизни, чѣмъ послѣднія точнѣе воспроизводятся и получаютъ болѣе оригинальную внѣшнюю оболочку, тѣмъ еще труднѣе становится задача при переводѣ. Здѣсь уже требуется не только глубокое знаніе языка писателя, но и близкое знакомство съ нравами и обычаями страны, которые онъ живописуетъ въ своихъ произведеніяхъ.

А возможна ли точная передача произведеній Крылова, въ большей части которыхъ народная философія, выражающаяся въ пословицахъ и поговоркахъ, идетъ объ руку съ народнымъ юморомъ; обороты живой рѣчи, подслушанные у народа и не подходящіе подъ грамматическую мѣрку, бьютъ изъ каждой строки; недосказанныя фразы, какъ бы невзначай оброненныя слова рисуютъ въ воображеніи русскаго читателя цѣлую картину, ему знакомую до самыхъ мелкихъ подробностей, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ?

Не смотря на всѣ эти затрудненія, басни Крылова усвоены Западною Европою и она, такъ ревностно оберегающая свой литературный палладіумъ, дала почетное мѣсто нашему баснописцу въ ряду своихъ, съумѣла, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, оцѣнить его достоинства.

Я позволяю себѣ занять вниманіе ваше мм. гг. сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній какъ о переводахъ на иностранные языки басенъ И. А. Крылова, который, не ограничиваясь созданіемъ новой одежды на предметы, уже разработанные баснописцами отъ Езопа до Лафонтена включительно, внесъ въ область апелога и предметы новые — плоды наблюденій надъ своеобразною русскою жизнью, такъ и о томъ какъ отнеслась западно-европейская критика къ произведеніямъ нашего баснописца.

Французы познакомились съ нимъ первые.

Басни Крылова въ переводѣ на французскій языкъ начали появляться въ парижскихъ журналахъ съ 1820-хъ годовъ. Едмъ Геро (Edme Héreau), одинъ изъ сотрудниковъ Revue encyclopédique, помѣстилъ ихъ нѣсколько въ весьма удачныхъ переводахъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ[1]). Въ 1821 году онъ

[1]) Вотъ названія журналовъ и сборниковъ, въ которыхъ помѣщены басни Крылова: Minerve littéraire ou l'Abeille, подъ редакціею г-жи Dufresnoy,

напечаталъ въ еженедѣльникѣ, носившемъ заглавіе l'Abeille [1]), переводъ «Гусей»; но эта басня, по ошибкѣ или его самого, или типографіи, была приписана Тассу. Подъ этимъ страннымъ, но многознаменательнымъ псевдонимомъ началось знакомство французовъ съ русскимъ баснописцемъ.

Въ 1822 году, вышли въ Петербургѣ избранныя басни Крылова, переведенныя французскими стихами Рифе [2]). Всѣхъ басенъ имъ переложено 69 изъ числа 140, въ то время написанныхъ и напечатанныхъ Крыловымъ. Достоинству этого труда много содѣйствовали Лобановъ, изготовившій для Рифе буквальный переводъ басенъ, и самъ баснописецъ, взявшій на себя просмотръ перевода и сообщившій на него нѣсколько своихъ замѣчаній [3]).

Намѣреніе Рифе познакомить Францію, а черезъ нее и всю Европу съ произведеніями нашего баснописца [4]) заслужило похвальное одобреніе со стороны отечественной критики [5]), а черезъ три

Almanach des Muses, Almanach des Dames, Causeuse, Semaine и др., въ Revue encyclopédique (t. X, p. 367).

[1]) L'Abeille du 4 Août 1821 (journal hebdom. de Paris), livr. 39, p. 578—579.

[2]) Choix des Fables de M. Kryloff, traduites en vers français par F. J. R. St.-Pétersbourg, 1822. 8°. VIII и 128 стр.

[3]) При трехъ басняхъ: «Комаръ и Пастухъ», «Волкъ и Пастухи» и «Левъ и Лисица» сказано, что оригиналами для нихъ служили Крылову басни Езопа, а при одной изъ нихъ, именно при баснѣ «Волкъ и Пастухи», Рифе замѣтилъ, что ея греческій источникъ былъ ему указанъ самимъ баснописцемъ: «L'auteur m'a dit avoir imité du grec cette petite fable».

[4]) Въ предисловіи къ своему переводу Рифе слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ художественное достоинство басенъ Крылова: «Ce poète dont la Russie s'honore, et dont toute autre nation serait fière, a composé beaucoup de fables qui réunissent à un haut degré la nouveauté, la force, la naïveté du style et la finesse de la pensée, la justesse du trait, l'exacte peinture des moeurs, et qui ne peuvent manquer de tenir un rang distingué dans l'histoire de l'apologue. Beaucoup d'entr'elles doivent être signalées comme des modèles de finesse et de bon goût. Son esprit observateur a été servi par l'étude de moeurs encore peu connues, et qui lui ont fourni des sujets neufs. Il cache avec habileté la profondeur de ses vues, sous la bonhomie de son style, et déguise la malice de son épigramme, sous la simplicité de son langage. Il emploie avec complaisance la locution populaire, pour faire mieux ressortir la morale philosophique; et, s'il est permis de faire ici une réflexion politique qui naît du sujet, ses compositions sont des preuves en faveur de la censure, qui, bien dirigée, n'arrête l'émission d'aucune vérité utile».

[5]) Conservateur impartial, № 37, Mai 1822, p. 207.

года и со стороны французской [1]). Единственный упрекъ, но едва ли вполнѣ справедливый, сдѣланный Рифе рецензентомъ [2]), состоялъ въ томъ, что онъ взялся за переводъ вещей непереводимыхъ. Но если бы переводчики послѣдовали этому совѣту, въ такомъ случаѣ лучшія басни Крылова остались бы неизвѣстными иностранцамъ и особенности его музы сдѣлались бы для нихъ недоступными. Едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что Рифе перевелъ «Тришкинъ Кафтанъ», «Демьянову уху» и другія басни, отличающіяся неподражаемою оригинальностію; но нельзя не пожалѣть что при его переложеніи исчезли изъ басенъ нѣкоторыя изрѣченія, сдѣлавшіяся пословицами, какъ напр.

Но только брось имъ кость, такъ что твои собаки!

—

А вы, друзья, какъ не садитесь,
Все въ музыканты не годитесь! [3])

Въ этомъ же 1822 году появился въ Парижѣ переводъ «Гусей» въ Miroir des spectacles, des lettres, des moeurs et des arts [4]), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Les oisons de Russie, fable traduite de M. Knitof и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Mougig est le nom qu'on donne au paysan ou malheureux esclave russe».

Разрозненное появленіе во французской печати басенъ Крылова не могло доставить достаточныхъ матеріаловъ для произнесенія суда объ его произведеніяхъ. Въ 1823 году, когда еще переводъ Рифе не былъ извѣстенъ французской публикѣ, Дюпре де Сенъ-Моръ (Dupré de Saint-Maure), прожившій въ Россіи четыре года, напечаталъ Anthologie russe, въ которой, среди разныхъ произведеній русской музы, далъ мѣсто 10-ти баснямъ Крылова, изъ которыхъ семь (Крестьянинъ и Лисица; Оракулъ; Гуси; Лисица и Сурокъ; Слонъ и Моська; Орелъ и

---

[1]) Revue encyclopédique, t. XXVIII, 1825, p. 162 — 163.

[2]) Сынъ Отеч., 1822, № 25, стр. 227 — 228.

[3]) Въ баснѣ «Огородникъ и Философъ» переводчикъ заставилъ и огородника и философа, вмѣсто огурцовъ, сажать салатъ; но при этомъ онъ замѣтилъ, что «dans la fable russe, il s'agit de concombres, parce que ce légume est en Russie d'un usage aussi général que la salade en France».

[4]) Rédigé par Jouy, Arnault, Em. Dupaty, E. Gosse, Cauchois-Lemaire, livr. du 5 Août 1822, p. 3.

Паукъ; Кукушка и Горлинка) переданы самимъ составителемъ сборника, двѣ (Сочинитель и Разбойникъ; Собачья дружба) графомъ де-Местромъ и одна (Любопытный) генераломъ С.[1]).

Сборникъ этотъ былъ встрѣченъ строгимъ разборомъ въ Journal de Paris (2 Janvier 1824). Критикъ Бауръ-Лорміанъ (Baour Lormian), знакомый дотолѣ только съ нашими полками, былъ пораженъ огромнымъ числомъ русскихъ писателей. Боязнь новаго нашествія «на прекрасную Францію» русскихъ варваровъ отразилась въ тонѣ всего его приговора. Отрицая право гражданства нашей литературы въ средѣ литературъ европейскихъ, Бауръ-Лорміанъ главнымъ образомъ напалъ на Крылова за его басню «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой видѣлъ прозрачный намекъ на Вольтера. Такое приравненіе къ разбойнику главы французскихъ энциклопедистовъ естественно должно было возбудить противъ Крылова гнѣвъ критика, и дѣйствительно онъ, руководимый лишь національнымъ чувствомъ француза, положительно и голословно отвергнулъ всѣ достоинства, приписанныя баснямъ Крылова составителемъ Антологіи[2]).

---

[1]) Anthologie russe, suivie de poésies originales, dédiée à S. M. l'Empereur de Toutes les Russies; par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure, chevalier de l'ordre royal de la Légion-d' honneur, ex-membre du corps législatif, ancien sous-préfet, auteur des satires publiées, en 1818, sous le titre d'*Hier et Aujourd'hui*. Avec six dessins lithographiés. Paris, 1823. 4°. 4 ненум., XXIX и 268 стр. Большая часть переводовъ Дюпре де Сенъ-Мора просмотрѣна самими авторами. Крыловъ былъ доволенъ сдѣланными переводами его басенъ и, по словамъ составителя Антологіи, прослушавъ однажды нѣсколько изъ нихъ, сказалъ ему: «если иногда духъ вашего (т. е. французскаго) языка и заставлялъ васъ при переводѣ отклоняться отъ моихъ выраженій, то, говоря по истинѣ вы никогда не отдалялись отъ моихъ мыслей». Разборъ Антологіи и извлеченный изъ нея очеркъ русской литературы помѣщенъ въ Foreign quarterly Review (vol. I, № 2, p. 595 — 631).

[2]) Г. Дюпре де Сенъ-Моръ весьма вѣрно опредѣлилъ достоинства и всѣ особенности басенъ Крылова. Мы приводимъ здѣсь вполнѣ его отзывъ: «Mais c'est surtout par ses fables que cet ecrivain s'est acquis, en Russie, une grande célébrité. Leur principal mérite consiste dans l'originalité des pensées, le charme inexprimable du naturel; dans cette flexibilité de style, qui se prête aux heureuses négligences de la fable, et unit l'élégance à la simplicité.

Couvert du manteau de l'apologue, et, pour ainsi dire, retranché dans une poésie familière et naïve, qui effleure sans déchirer, et avertit sans offenser, le poète russe attaque hardiment les moeurs et les ridicules du siècle; mais ses

Надобно удивляться одному, какъ критикъ не воспользовался смѣшнымъ промахомъ составителя Антологіи, извратившаго смыслъ басни «Лисица и Сурокъ» и не поставилъ этого промаха въ вину сочинителя. Всѣ слова Лисицы переводчикъ отнесъ къ Сурку, и на оборотъ все, что говоритъ Сурокъ приписалъ Лисицѣ. Такимъ образомъ совершенно исчезла соль басни, особенно когда судьей курятника явился Сурокъ, рыльцо котораго частенько видывали въ пуху.

Рѣзкая и желчная критика Баура-Лорміана, которая могла имѣть вліяніе на мнѣніе французовъ, защищающихъ всегда свои славы, побудила нашего соотечественника, Якова Николаевича Толстаго, принять на себя защиту Крылова. Въ изданной имъ брошюрѣ: Quelques pages sur l'Anthologie russe, не принятой ни однимъ французскимъ журналомъ, онъ обнаружилъ невѣжество Баура-Лорміана въ исторіи нашей литературы и доказалъ, хотя не слишкомъ убѣдительно, неосновательность мнѣнія французскаго критика относительно основной мысли басни «Сочинитель и Разбойникъ».

Ознакомленіемъ Франціи и Италіи не съ отдѣльными, избранными баснями Крылова, но съ весьма значительнымъ числомъ ихъ мы обязаны сенатору графу Григорью Владиміровичу Орлову и его супругѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, рожденной графинѣ Салтыковой. Съ первыхъ лѣтъ пребыванія Орлова за границею, гдѣ онъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два ученые труда, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, его занимала

---

flèches ne sont point acérées comme celles du satirique. Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnait au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui le fait rire, et à l'auteur qui ne le visait point en décochant son trait. M. Kriloff transporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrein, craignant de perdre, en le quittant, cette précieuse originalité, fille de l'imagination, et dont la nature est si avare. Enjoué, spirituel, il emprunte hardiment au peuple des expressions communes, mais piquantes, qu'il relève par le tour poétique, et toujours en évitant l'écueil de la trivialité. Rapide dans ses transitions, il s'élève avec son sujet, s'abaisse avec lui, le revêt de toutes les formes, le monte à tous les tons. Habile à faire vibrer les cordes de l'harmonie imitative, si puissante dans la langue russe, il module avec le rossignol, crie avec l'aigle, gronde avec les vagues, et conserve à la nature la vérité de ses accens, aussi bien que celle de ses caractères».

мысль подарить Европѣ переводы лучшихъ произведеній отечественной словесности. Послѣ многихъ колебаній выборъ его остановился на нашемъ баснописцѣ. Изъ собранія его басенъ было выбрано 86-ть, предметъ которыхъ не былъ заимствованъ, но принадлежалъ собственно поэту. Прозаическій переводъ ихъ на французскій языкъ, исполненный по просьбѣ Орлова Эйнерлингомъ, былъ предложенъ для переложенія въ стихи литераторамъ и ученымъ, посѣщавшимъ его домъ. 59 лицъ, въ томъ числѣ 10-ть писательницъ, изъявили согласіе участвовать въ этомъ литературномъ предпріятіи новаго рода и разобрали между собою басни. Въ числѣ этихъ лицъ находилось много представителей ученаго и литературнаго круга того времени, между прочимъ: Ле-Балли, баронъ Стассартъ, Риго и Ноде—сами оригинальные баснописцы, графъ де-Сегюръ, бывшій семь лѣтъ посломъ при нашемъ дворѣ, герцогъ де-Бассано, четыре года управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ, Каріонъ Низасъ, Руже-де-Лиль (Rouget-de-l'Isle), авторъ Марсельезы [1]), Казимиръ Делавинь, графъ Дарю, написавшій исторію Венеціи, Жуи, Софія и Дельфина Ге, и мн. др.

Изданіе Орлова, вышедшее въ свѣтъ въ 1825 году, было исполнено Фирменъ Дидотомъ [2]). Русскому тексту басенъ и пе-

---

[1]) Руже-де-Лилю принадлежитъ въ этомъ сборникѣ переводъ басни «Гуси», въ которой нельзя не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто:

Voyez, homme de bien, voyez comme nous traite
Ce rustre, ce manant! Des oisons tels que nous!
Nous, descendus tout droit de ces saintes volailles
Qu'on vit du Capitole affranchir les murailles:
Karamsine et d'Hosier sont d'accord sur ce point.

[2]) Fables russes, tirées du Recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff et de cinq gravures. 2 tomes. Paris, 1825. 8°. T. I. LXI и 249 стр.; т. II. 381 стр. Въ 1845 году Ейнерлингъ перепечаталъ изъ изданія графа Орлова, особою книжкою, французскіе переводы, подъ заглавіемъ: Fables russes tirées du Recueil de M. Krylof, et imitées en vers français par divers auteurs; précédées d'une introduction. Publiées par J. B. Einerling. Ornées de quatre gravures. St. Pétersbourg, 1845. 8°. VI и 210 стр. Въ предисловіи г. Ейнерлингъ, сообщивъ о своемъ знакомствѣ съ графомъ Орловымъ и объ участіи, которое онъ принималъ въ изданіи его сборника, дѣлаетъ выписку того мѣста изъ введенія Лемонте, въ которомъ перечисляются

реводамъ ихъ на французскій и италіянскій языки предпослано: посвятительное письмо графа Орлова Крылову [1]), введеніе,

---

французскіе писатели, принимавшіе участіе въ передачѣ Крылова на французскій языкъ.

[1]) Такъ какъ въ этомъ посвятительномъ письмѣ графъ Орловъ излагаетъ послѣдовательно ходъ предпринятаго имъ перевода басенъ, то по этому, а также и въ виду рѣдкости изданія, мы помѣщаемъ здѣсь это письмо цѣликомъ:

«Любезный другъ Иванъ Андреевичъ!

«Желаніе познакомить ученый свѣтъ и Европу съ нашею отечественною словесностію давно занимало меня. Имѣвъ творенія ваши со мною, часто въ Италіи читали мы прелестныя басни ваши ученымъ и литераторамъ сей классической земли, переводя оныя слово въ слово; и какъ не слабъ былъ мой переводъ, я восхищалъ сихъ питомцевъ музъ оригинальными мыслями, воображеніемъ и рѣдкимъ талантомъ вашимъ.

«Имянитѣйшіе поэты Италіи обратили въ стихи нѣкоторыя басни ваши, и такимъ образомъ сдѣлались они извѣстны, въ щастливыхъ подражаніяхъ, на безсмертномъ языкѣ Данта, Тасса и Аріоста.

«Первой удачной опытъ возбудилъ желаніе продолжать оный. Мы избрали въ собраніи вашемъ большую часть басень, собственно вамъ принадлежащихъ, не касаясь тѣхъ, въ коихъ вы сами подражали иностраннымъ авторамъ.

«Я перевелъ ихъ въ прозѣ и разослалъ по разнымъ отличнѣйшимъ поэтамъ Италіи, кои съ отмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ исполнили желаніе наше и доставили намъ труды свои. Такимъ образомъ совершились переводъ и подражанія Италіянскія.

«Но мы полагали, что сего не довольно для славы нашего Лафонтена. Языкъ французскій въ нашемъ вѣкѣ сдѣлался, такъ сказать, языкомъ всеобщимъ, не только европейскимъ, но даже всего свѣта. И такъ мы сочли необходимымъ, чтобы басни ваши были переведены и на французскій языкъ. Стихотворцы французскіе не менѣе были благосклонны стихотворцевъ италіянскихъ. Восемьдесять шесть басень на обоихъ языкахъ переведены. Вы найдете въ числѣ подражателей имена первыхъ баснописцевъ, первыхъ поэтовъ, людей извѣстныхъ ученостію, любезностію и пріятностію дарованій, кои служатъ украшеніемъ первѣйшимъ сословіямъ словесности и учености. Всѣ согласились съ радостію соучавствовать въ нашемъ предпріятіи съ такимъ усердіемъ и съ такою готовностію, что я не имѣю словъ изъявить имъ моей искренней благодарности.

«Нѣсколько лѣтъ должны были мы употребить на окончаніе такого предпріятія. Наконецъ оное совершилось. Дѣло дошло до печатанія. Изданіе должно быть достойно нашего любезнаго автора и его подражателей. Кому ввѣрить типографическую часть, какъ не Фирмену Дидоту? Новыя литеры вылиты и русскія и иностранныя. Рисунки для украшенія каждой книги нарисованы изящнѣйшими художниками Парижа, и лучшіе граверы сей столицы вырѣзали и отпечатали оные.

«Начало первой части знакомитъ Европу съ изображеніемъ и чертами нашего добраго и милаго баснописца. Издатель почитаетъ долгомъ принести ему сей знакъ уваженія и дружбы.

на французскомъ языкѣ, Лемонте[1]) и предисловіе, на италіянскомъ, Сальфи. Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности и на исторію нашего языка, Лемонте переходитъ къ баснямъ Крылова, открывшимъ, по его словамъ, блестящій періодъ русской словесности. Басни Крылова, говоритъ Лемонте, до сихъ поръ самыя совершеннѣйшія произведенія изъ всего, чѣмъ обладаетъ Невскій Парнассъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который стоялъ бы выше Крылова въ оригинальности и въ изобрѣтеніи. Почти всѣ сюжеты принадлежатъ ему. Разсказъ его отличается тонкостію, простосердечіемъ и правдоподобіемъ, усѣянъ подробностями живыми и остроумными. Съ необыкновеннымъ искусствомъ употребляетъ онъ мѣстныя краски и его кисть, истинно русская, какъ въ зеркалѣ, рисуетъ особливый обликъ народа. Изобрѣтеніе въ басняхъ Крылова вообще исполнено ума; онъ рѣдко играетъ своими уроками, его нравоученія просты и тверды и иногда похожи на эпиграмму или на

«Каждая басня русская напечатана прежде иностранныхъ. Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русскаго меча, узнаютъ, что сей народъ, благочестивый и преданный отечеству и Царю, не лишенъ также и изящныхъ дарованій, что онъ имѣетъ своихъ поэтовъ, своихъ историковъ, своихъ ученыхъ, что и съ сей стороны онъ заслуживаетъ не менѣе уваженія и почтенія, какъ со стороны славы и побѣдъ, гремящихъ въ честь его во всей вселенной. Пускай, читая подражанія басней вашихъ, почувствуютъ они желаніе понимать оныя и въ національномъ языкѣ.

«Уже они знакомы сдѣлались съ нашимъ почтеннымъ историкомъ съ безсмертнымъ Карамзинымъ, который снискалъ себѣ славу необыкновенную и въ отечествѣ и въ Европѣ изданіемъ Отечественной Исторіи. Пускай узнаютъ они теперь, что есть въ Россіи и баснописцы, достойные вниманія и хвалы.

«Пускай примѣръ сей возбудитъ въ соотечественникахъ нашихъ желаніе оному послѣдовать и сообщить иноземцамъ наши сокровища въ словесности вѣрнымъ и чистымъ переводомъ.

«Кому же послѣ всего мною сказаннаго сдѣлать приношеніе сего творенія, естли не самому автору? И такъ примите оное, любезный другъ, какъ знакъ пріязни и уваженія къ талантамъ вашимъ, и желанія, чтобы оно нѣкоторымъ образомъ возбудило музу вашу къ новымъ трудамъ».

[1]) Это введеніе Лемонте переведено, съ подстрочными указаніями нѣкоторыхъ его ошибокъ, въ Сынѣ Отеч., 1825, ч. CII, стр. 67 — 87 и 173 — 189; разборъ его помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1825, ч. V, № 17, стр. 40—46. Оно было почти все перепечатано въ Bibliothèque universelle de Genève, 1825, t. 29, стр. 374.

сатиру, составляющую оружіе добродѣтели. Его слогъ, котораго совершенства живо чувствуютъ русскіе, соединяетъ въ себѣ два рода красоты, недоступной переводчикамъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, съ другой — онъ искусно извлекаетъ изъ простонароднаго языка выраженія особенныя и неожиданныя, которыя сами собою возбуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, драгоцѣнныхъ соотечественникамъ поэта.

Такой относительно вѣрный взглядъ Лемонте на достоинства басенъ Крылова, по всему вѣроятію образовавшійся подъ вліяніемъ нашихъ соотечественниковъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, долженъ былъ имѣть свою долю вліянія при обсужденіи въ французской литературѣ явившагося изданія Орлова, заключавшаго въ себѣ переложенія басенъ Крылова или точнѣе сказать подражанія имъ. Такъ критикъ Revue encyclopédique Е. Геро (Е. Hégeau) [1]), приводя in extenso мнѣніе Лемонте о достоинствѣ басенъ Крылова, отдаетъ полную похвалу нашему соотечественнику и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ставитъ Крылова выше Лафонтена, какъ напр. въ нравоученіяхъ; но въ тоже время находитъ, что у французскаго баснописца болѣе правдоподобія дѣйствія и что въ его басняхъ не встрѣчается ничего подобнаго тому напримѣръ, чтобы щука вмѣстѣ съ котомъ пошла на ловлю мышей. Болѣе же всего г. Геро нападаетъ, стоя впрочемъ на весьма шаткомъ основаніи, за переводъ басенъ: «Демьянова уха», «Свинья и Гребень», въ которыхъ по его мнѣнію слишкомъ ярко выступаютъ мѣстныя краски и картины и которыя никогда не получатъ права гражданства въ французской литературѣ, такъ какъ нѣжный французскій языкъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ для переводчика.

Столь же одобрительно отозвался о басняхъ Крылова неизвѣстный критикъ Journal'a des Débats [2]). Басни Крылова — говоритъ критикъ — отличаются здравымъ смысломъ и умомъ; онѣ всѣ изобрѣтены самимъ авторомъ, а не представляютъ новыхъ видоизмѣненій Бидпая, Эзопа и Федра. Естественность,

[1]) Revue encyclopédique, t. 26, 1825, p. 717 — 736.

[2]) Journal des Débats du 16 Mai 1825. Переводъ этой статьи помѣщенъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1825, № 45, стр. 1616 — 1619.

изящная простота и остроуміе разсыпаны въ нихъ щедрою рукою; глубокія мысли, скрывающіяся въ нихъ подъ прелестію и простотою подробностей, вмѣстѣ съ художественностію созданія, составляютъ ихъ отличительное достоинство. За этою похвалою слѣдуетъ и упрекъ Крылову, справедливости котораго нельзя отрицать и который уже былъ высказанъ Лемонте. Извѣстно, что дѣйствующія лица въ Апологѣ должны говорить и разсуждать согласно съ своею природою и предполагаемымъ въ нихъ характеромъ; всѣ ихъ рѣчи, движенія и дѣйствія должны имѣть относительную вѣроятность, а между тѣмъ басни Крылова иногда грѣшатъ въ этомъ отношеніи и допускаютъ очевидныя несообразности. Въ подтвержденіе этого критикъ обращаетъ вниманіе на невозможность, чтобы «однажды Лебедь, Ракъ, да Щука везти съ поклажей возъ взялись» и говоритъ, что именно вслѣдствіе этой невозможности французскій переводчикъ замѣнилъ возъ телѣжкой, а италіянскій — лодкой.

Этими статьями и этимъ переводомъ установилось, такъ сказать, въ французской литературѣ мнѣніе о нашемъ баснописцѣ, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнявшееся въ своихъ частностяхъ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ взглядовъ на теорію и искусство словесности, вслѣдствіе появленія новыхъ идей и требованій. Что касается насъ, то мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что басни Крылова въ этихъ переложеніяхъ утратили многое, что составляетъ ихъ прелесть и красоту. Переселенная подъ чужое небо, поэтическая муза Крылова совершенно утратила оригинальную внѣшнюю одежду и только сохранила прелесть сюжета и новость нѣкоторыхъ его подробностей, обиліе которыхъ и поразило французскихъ критиковъ. Въ подкрѣпленіе справедливости этого сожалѣнія, я позволяю указать на нѣкоторые нравоучительные выводы, совершенно измѣнившіе свой смыслъ подъ перомъ французскихъ писателей. Такъ напр. заключительные три стиха въ баснѣ «Слонъ и Моська»:

Пускай же говорятъ собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

переданы такъ:

Pour faire croire à sa valeur,
Loin du danger le lâche insulte, attaque même;
Le brave va toujours, n'écoutant que l'honneur.
A-t-il tort ou raison? c'est un autre problème.

Такъ нравоученіе басни «Тришкинъ Кафтанъ» въ переводѣ приняло политическій оттѣнокъ:

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ!

Étendue ou restreinte au gré du magistrat,
Suivant le besoin, le caprice,
Grace aux adroits ciseaux de nos hommes d'État,
Mainte charte ressemble à l'habit de Jocrisse.

Такъ 17 стиховъ басни «Музыканты» превратились въ 76 у французскаго подражателя, въ которыхъ и слѣда нѣтъ нравоученія этой басни.

Въ 1828 году Ипполитъ Маскле напечаталъ въ Москвѣ переводъ басенъ Крылова по полному ихъ изданію[1]), вышедшему въ 1823 году, за исключеніемъ басенъ, заимствованныхъ изъ Лафонтена, впрочемъ не всѣхъ[2]). Оставленныя изъ сихъ послѣднихъ должны были служить наглядным удостовѣреніемъ своеобразной разработки русскимъ баснописцемъ предметовъ, которые уже находились подъ перомъ представителя французской басни. Задачею своего труда Маскле поставилъ передать басни Крылова какъ можно ближе къ подлиннику, и успѣлъ выполнить ее довольно удачно, доказавъ тѣмъ, что широкій произволъ, предоставляемый подражаніямъ, обращается всегда въ ущербъ писателя и выгоденъ только для подражателей.

Тѣмъ же Маскле, въ декабрѣ 1831 г., былъ напечатанъ въ Марсели переводъ восьмой книги басенъ Крылова, вышедшей

---

[1]) Fables de M. J. Krylof. Traduites du Russe, d'apres l'édition complète de 1825. Par Hippolyte Masclet. Moscou de l'imprimerie d'Auguste Semen, imprimeur de l'Académie Impér. Méd.-Chirurgicale. 1828. 8°. V и 270 стр. Разборъ перевода Маскле помѣщенъ въ Дамскомъ Журналѣ, 1828, ч. 21, № 6, стр. 313 — 323.

[2]) Всѣхъ басенъ переведено Маскле 141.

въ свѣтъ въ 1830 году [1]). Въ посвятительномъ письмѣ московскому Обществу любителей словесности, при которомъ Маскле препроводилъ этотъ новый переводъ, дополнившій его прежній, онъ между прочимъ заявилъ, что за границей, вслѣдствіе распространившейся славы Крылова, многими высказано желаніе имѣть полный и дословный переводъ его басенъ и что исполненный имъ, не смотря на всѣ его недостатки, принятъ во Франціи съ одобреніемъ, потому только, что близко подходитъ къ подлиннику.

И дѣйствительно французская критика отозвалась о переводѣ Маскле благосклонно не только потому, что его стихъ оказался изящнымъ, но и потому, что этотъ изящный стихъ посвященъ на передачу лучшаго литературнаго памятника Россіи, памятника, который она причислила къ классическимъ.

Черезъ девять лѣтъ послѣ появленія въ переводѣ Маскле семи книгъ басенъ Крылова, Journal des Débats нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ переводѣ [2]). Въ этомъ запоздаломъ отзывѣ неизвѣстный критикъ сообщилъ нѣсколько своихъ мыслей объ исторіи нашего языка и словесности, предметахъ совершенно ему чуждыхъ.

Послѣ похвалы переводу Маскле за его изящность, критикъ вступаетъ въ область исторіи русской литературы и увѣряетъ своихъ читателей, что на басни Крылова уже слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ прошедшаго, напоминающій по языку эпоху, предшествовавшую Пушкину, и что если онѣ еще не позабыты Россіею — то это лучшая похвала ихъ достоинствамъ.

Для положительнаго опредѣленія значенія басенъ Крылова, этихъ небольшихъ сочиненій, наивныхъ и легкихъ, переполненныхъ народными поговорками и выраженіями площадными и иносказательными, которыми такъ изобилуетъ русскій языкъ, но которыя впрочемъ ни мало не вредятъ литературному изяществу

---

[1]) Huitième livre des fables de M. J. Krylof, publié par l'auteur en 1830, et traduit par M. Hippolyte Masclet, ancien Conseiller de Cour au service de S. M. l'Empereur de Russie et Membre honoraire de la Société littéraire russe de Moscou, pour faire suite à la traduction des sept premiers livres mise au jour à Moscou en 1828. Marseille, Décembre 1831. 8°. 48 стр. Заключаетъ въ себѣ 21 басню.

[2]) Journal des Débats du 15 Juin 1837, p. 3 — 4.

произведеній, нужно, по мнѣнію автора, разъяснить начало русскаго языка. За симъ критикъ пускается въ филологическія соображенія, часть которыхъ нельзя не привести какъ образецъ безцеремоннаго обращенія во Франціи съ наукою по отношенію къ намъ. Въ эпоху призванія въ Россію варяго-русскихъ князей — говоритъ французскій критикъ—русскій языкъ былъ совершенно восточный; на немъ лежалъ явный отпечатокъ Азіи — его родины; въ немъ слышались слова персидскія, осетинскія, курдскія и всѣхъ родственныхъ съ ними кавказскихъ нарѣчій. Въ то время, когда составлялась славянская азбука Кирилломъ и Меѳодіемъ, Славяне уже не были болѣе варварами. Тонкости греческаго языка и полемическіе споры, проникнувшіе съ запада, уничтожили восточную неподвижность въ славянскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался доступенъ разнымъ вліяніямъ, слѣды которыхъ сохраняются и доселѣ. Имъ было усвоено множество татарскихъ словъ; Польша ввела въ эллинское наслѣдство, завѣщанное русскимъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, элементъ прекраснаго латинскаго языка, и вскорѣ въ Россіи образовалось три языка: древній славянскій, на которомъ она возносила свои молитвы къ Богу, въ великолѣпныхъ храмахъ византійской архитектуры; русскій, языкъ дѣловой и суда, употреблявшійся Персіанами, Татарами и всѣми иностранцами, и бѣлорусскій — смѣсь словъ славянскихъ, польскихъ и латинскихъ; на этомъ послѣднемъ писаны всѣ богословскія сочиненія, служившія пособіемъ въ ученыхъ спорахъ богослововъ обѣихъ церквей.

Послѣ всего этого, какъ не сказать вмѣстѣ съ нашимъ Дѣдушкою:

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Черезъ четверть столѣтія послѣ труда Маскле, явился въ Парижѣ новый переводъ избранныхъ басенъ Крылова и новая оцѣнка ихъ художественнаго достоинства[1]).

---

[1]) Kryloff ou le la Fontaine russe. Sa vie et ses fables. Par Alfred Bougeault. Paris 1852. 12⁰. 107 стр. Строгій разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ С. Петер. Вѣд. 1852, № 270, и въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1—13, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова».

Альфредъ Бужо, преподаватель французскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, написалъ сочиненіе: Жизнь и басни Крылова, русскаго Лафонтена. Къ этому сочиненію онъ присоединилъ 20 переведенныхъ изъ него басенъ, наиболѣе оригинальныхъ, и слѣдовательно представлявшихъ наиболѣе трудностей для перевода. Изъ нихъ 17-ть переведены самимъ Бужо, одна Михаиломъ Жеребцовымъ и двѣ графомъ Ксавье-де-Местромъ — тѣ самыя, которыя помѣщены въ Anthologie russe.

Переводъ Бужо довольно вѣренъ и изященъ — два трудно совмѣстимыя качества при передачѣ поэтическихъ произведеній съ одного языка на другой. Что касается взгляда автора на нашего баснописца, то о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Сознавая невозможность полнаго сравненія Лафонтена съ Крыловымъ, потому что на произведеніяхъ каждаго изъ нихъ лежитъ особенная печать, отражается личный и народный характеръ, Бюжо по отношенію художественной разработки сюжета басни ставитъ французскаго баснописца выше нашего; но, не смотря на это, признаетъ за Крыловымъ по отношенію къ русской баснѣ тоже значеніе и тѣже заслуги, какія уже давно признаны за Лафонтеномъ французами и всѣми образованными народами. Умъ глубокій и наблюдательный, проповѣдникъ нравственности чистой и возвышенной, сроднившійся съ народомъ и усвоившій его духъ до самыхъ тончайшихъ изгибовъ, художникъ смѣлый и самобытный, Крыловъ займетъ почетную страницу въ исторіи развитія аполога, не смотря на подмѣченный г. Бужо недостатокъ въ его басняхъ — любовь къ подробностямъ и описаніямъ—и на то, что его басня имѣетъ болѣе характеръ сатиры. Французскіе журналы отозвались съ похвалою о книгѣ Бужо, а одинъ изъ нихъ [1]) даже поблагодарилъ автора за ознакомленіе Франціи съ новымъ дотолѣ неизвѣстнымъ писателемъ, который достоинъ занять почетное мѣсто между знаменитостями русскаго литературнаго міра, каковы: Карамзинъ, Пушкинъ и Гоголь. Тотъ же журналъ, справедливо замѣтивъ, что въ басняхъ Крылова гораздо болѣе проглядываетъ сатиры чѣмъ у Лафо

[1]) L'Athenaeum français № 12, du 18 Septembre 1852, p. 182.

тена и что онъ смѣло бичуетъ всѣ пороки и всѣ смѣшныя стороны своихъ соотечественниковъ, съ насмѣшкою, сквозь которую проглядываетъ оскорбленное національное чувство, указываетъ на неумѣстность двухъ стиховъ въ баснѣ «Ворона и Курица»:

Quand le Français, nouveau Vandale,
Menaça notre capitale,

замѣчая впрочемъ, что гораздо пріятнѣе встрѣчать у поэтовъ излишнее чувство народности, чѣмъ рабское поклоненіе иноземному.

Выходъ въ свѣтъ Полнаго Собранія сочиненій Крылова послужилъ поводомъ и далъ матеріалъ Сенъ-Жульену составить статью, которую онъ помѣстилъ въ Revue des Deux Mondes, подъ заглавіемъ: La littérature en Russie. Ivan Andréevitch Kriloff[1]). Указавъ на господство въ новѣйшей русской литературѣ сатирическаго направленія и охарактеризовавъ русскихъ баснописцевъ, предшествовавшихъ Крылову, Сень-Жульенъ говоритъ, что въ произведеніяхъ послѣдняго заключаются тѣ самыя достоинства и качества, отсутствіе которыхъ замѣтно у Дмитріева, именно поэтическое одушевленіе и самобытность, проглядывающая даже въ заимствованіяхъ. Въ басняхъ же, созданныхъ самимъ Крыловымъ, предметъ обставляется живою панорамою современности, связывается, такъ сказать, съ жизнію; въ подобныхъ произведеніяхъ отражаются всецѣло нравы, образъ мыслей, предразсудки, характеръ, обычаи, языкъ русскаго народа; а лица дѣйствующія, будь то крестьянинъ, дворянинъ, чиновникъ, художникъ или вельможа, двигаются по сценѣ какъ живые.

Ставя высоко нашего баснописца какъ художника, Сенъ-Жульенъ отдаетъ ему полную справедливость и за вѣрность мѣстныхъ красокъ, которыми написаны басни, и за чисто русскій складъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и за возможность посредствомъ ихъ познакомиться со всѣми сословіями русскаго народа.

Не смотря на вѣрность этого отзыва о достоинствахъ и значеніи басенъ Крылова, статья Сенъ-Жульена тѣмъ не менѣе наполнена многими ошибочными и невѣрными выводами, и

---

[1]) Revue des Deux Mondes, t. XV, 1-e Septembre, Paris, 1852., pag. 866—890. Объ этой статьѣ см. въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1 — 13.

между прочимъ о политическомъ характерѣ цѣлаго довольно обширнаго разряда басенъ.

Дѣйствительно политика находила себѣ иногда доступъ въ картинную галерею Крылова, какъ напримѣръ: въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ», въ которой представленъ Наполеонъ въ Россіи, въ баснѣ «Обозъ», написанной въ оправданіе медлительныхъ дѣйствій Кутузова, въ баснѣ «Щука и Котъ», поводомъ къ сочиненію которой послужила медлительность адмирала Чичагова, вслѣдствіе которой Наполеонъ могъ переправиться черезъ Березину, и въ др.; но басенъ, имѣвшихъ политическую цѣль, не слишкомъ много, всѣ онѣ написаны съ большою осторожностью, и даже одна изъ нихъ «Пестрыя Овцы» увидѣла свѣтъ послѣ смерти Крылова.

Въ 1867 году вышелъ въ Парижѣ переводъ басенъ Крылова, исполненный Шарлемъ Парфетомъ [1]). Въ предисловіи переводчика находится между прочимъ любопытное заявленіе, совершенно противорѣчащее всему тому, что до сихъ поръ было говорено о Крыловѣ въ французской литературѣ, именно, что онъ не пользуется во Франціи извѣстностью. Свое заявленіе переводчикъ подтверждаетъ ссылкою на Сенъ-Маркъ Жирардена, который въ своемъ сочиненіи о Лафонтенѣ и баснописцахъ ни разу не упомянулъ о Крыловѣ [2]). Но такого рода умолчаніе имѣетъ ли какое либо значеніе? Жирарденъ могъ не знать и могъ не желать знать о Крыловѣ; но что произведенія нашего баснописца извѣстны французской образованной публикѣ и что она оцѣнила ихъ по достоинству, это подтверждаютъ и многочисленныя статьи о Крыловѣ въ лучшихъ французскихъ журналахъ и газетахъ и нѣсколько переводовъ его басенъ [3]). Въ

---

[1]) Fables de Krilof traduites en vers français par Charles Parfait. Paris, 1867. 12°. XLIII и 288 стр.

[2]) Вотъ подлинныя слова Парфета: «Le poëte russe dont nous présentons l'oeuvre au public français n'est point précédé d'une renommée qui ait rendu chez nous son nom familier. Un de nos plus éminents critiques (M. Saint-Marc Girardin: *la Fontaine et les Fabulistes*) a pu, cette année même, dans un ouvrage où se retrouve toute son ingénieuse et solide érudition, faire une longue revue des fabulistes français et étrangers, sans citer une seule fois le nom de Krilof».

[3]) Кромѣ повременныхъ изданій, весьма многіе французскіе писатели сообщали своимъ соотечественникамъ свѣдѣнія о Крыловѣ, сопровождая ихъ сужденіями о достоинствѣ его басенъ то довольно правильными, то крайне

этомъ же предисловіи мы нашли любопытный фактъ, говорящій о желаніи французской публики знакомиться съ нашими писателями. Въ Мартѣ 1867 года профессоръ парижскаго университета Тальбо первый прочелъ въ Шартрѣ публичную лекцію о Крыловѣ и свои выводы и наблюденія подкрѣплялъ чтеніемъ отрывковъ изъ его басенъ въ переводѣ Парфета.

Что касается оцѣнки произведеній Крылова, сдѣланной Парфетомъ, то ее еще можно назвать довольно удовлетворительною; впрочемъ нельзя не замѣтить въ ней неосновательности слѣдующаго мѣста: «Соотечественники Крылова — говоритъ его переводчикъ — единогласно присвоили ему прозваніе русскаго Лафонтена. Это прозваніе можетъ показаться намъ, французамъ, честолюбивымъ стремленіемъ; но безъ всякаго сомнѣнія поклонники русскаго поэта не хотѣли этимъ установить совершеннаго равенства между Крыловымъ и нашимъ неподражаемымъ Лафонтеномъ. Они только хотѣли этимъ выразить его несомнѣнное пре-

---

односторонними и ложными. Такъ Héguin de Guerle, въ своей статьѣ: Coup d'oeil sur la littérature russe (стр. 27 — 28), помѣщенной имъ въ видѣ предисловія къ «Les veillées russes» (Paris, 1827. 12º), сборнику сдѣланныхъ имъ переводовъ съ русскаго языка разныхъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, говоритъ о нашемъ баснописцѣ слѣдующее: «M. Kriloff est peut-être de tous les fabulistes étrangers celui qui soutient le mieux la comparaison avec notre La Fontaine: toutefois, nous n'établirons pas entre ces deux écrivains un de ces parallèles oiseux, qui ne prouvent rien, et dont la conclusion, prévue d'avance, est presque toujours dictée par l'amour-propre national. Mais ce que nous pouvons affirmer sans crainte d'être démentis, c'est que M. Kriloff jouit dans sa patrie d'une réputation égale à celle que La Fontaine a parmi nous. Ce que les Russes admirent dans leur fabuliste, c'est l'heureuse invention de ses sujets, qui presque tous lui appartiennent en propre; c'est le charme de sa narration tour à tour grave, plaisante et souvent noble et élevée jusqu'au sublime; c'est l'étonnante perfection de sa versification, où il prodigue en se jouant tous les trésors de l'harmonie imitative. Mais ce qui surtout rend cet écrivain cher à ses compatriotes, c'est la vérité des couleurs locales dans ses tableaux ou les moeurs russes sont représentées avec une rare fidélité; c'est l'heureux emploi qu'il fait de mots pris dans le langage le plus vulgaire du peuple et qu'il ennoblit par le tour poètique qu'il sait leur donner. Voilà de ces beautés que les étrangers ne peuvent sentir et apprécier que faiblement, et qu'il est impossible de faire passer dans une traduction». Черезъ 15 лѣтъ послѣ этой оцѣнки Крылова, одинъ изъ многихъ французскихъ путешественниковъ по Россіи, считающихъ долгомъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, А. Феррie (La Russie. Bruxelles, 1841), нашелъ нужнымъ сказать о Крыловѣ слѣдующее: «Krueloff s'est distingué dans l'apologue par la pureté du style plutôt que par les dons du génie et de l'imagination».

восходство надъ всѣми извѣстными русскими писателями въ той области, въ которой Лафонтенъ остается безъ соперниковъ» [1]).

Въ настоящее время почти положительно можно сказать, что Крыловъ уже пріобрѣлъ право гражданства въ литературѣ французской, наравнѣ съ геніальными писателями другихъ народовъ; этому онъ обязанъ хорошимъ переводамъ своихъ произведеній, которые вышли въ свѣтъ въ послѣднее время и появленія которыхъ для славы Крылова желалъ видѣть графъ А. де Сенъ-При еще въ 1823 году [2]).

Графъ Орловъ, подарившій Франціи переводъ басенъ Кры-

---

[1]) Подобно Бауръ-Лорміану, и Парфетъ защищаетъ Вольтера отъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ Мегерою въ мрачномъ жилищѣ тѣней и къ своему переводу басни «Сочинитель и Разбойникъ» присоединяетъ слѣдующее примѣчаніе: «Nous ne nous rendons point solidaires de cette violente diatribe contre une de nos gloires les plus éclatantes. Nous aimons à croire que, malgré ses erreurs, l'apôtre de la tolérance universelle, l'ardent promoteur de tant de réformes si utiles et si humaines, le dévoué défenseur de tant d'innocents, trouvera moins de sévérité devant son vrai juge qu'il n'en trouve ici devant le Minos de la fable».

[2]) Графъ А. де Сенъ-При, въ предисловіи къ переведенной имъ «Модной Лавкѣ» Крылова, замѣтилъ о немъ слѣдующее: «il s'est fait, comme fabuliste, une immense réputation en Russie; elle serait sans doute déjà confirmée par tout le monde littéraire, si de bonnes traductions avaient fait passer les fables de M. Krilof dans les différentes langues de l'Europe (Chefs-d'oeuvre des théatres étrangers, XVIII livr., p. 321).

Кромѣ приведенныхъ выше, мы имѣемъ еще переводъ на французскій языкъ 12-ти басенъ Крылова, исполненный г-жею Мордвиновою: Fables de Krylof traduit du russe par M-me P. de Mordvinoff. St. Pétersbourg, 1852. 8°. 19 ненум. стр. Переводъ этоть не имѣетъ большихъ достоинствъ. Князь Эммануилъ Голицынъ въ своемъ: Le conteur russe, fables et légendes. Nouvelle édition augmentée d'une notice biographique sur les principaux fabulistes russes. (Paris, 1846. 12°. XLVIII и 262 стр.) помѣстилъ сдѣланный имъ переводъ довольно большаго числа басенъ Крылова. Переводъ этотъ не отличается ни особенною вѣрностію, ни особенною художественностію. Нѣкоторыя басни переданы чрезвычайно далеко отъ подлинника, съ значительными измѣненіями и вставками, какъ напр. «Демьянова уха» (Le pot de bière). Изъ предисловія къ этому изданію мы узнаемъ, что первое изданіе «Разскащика» имѣло главною цѣлью познакомить Французовъ съ тѣми произведеніями нашего баснописца, которыя оставались имъ неизвѣстными: «Lorsque nous fîmes paraître en 1842 le petit ouvrage que voici, nous avions pour principal objet de faire connaître au public français, celles des fables de Kriloff qui ne font point partie du recueil publié à Paris en 1825 par le Comte Orloff». Ко второму тому Les poètes russes traduits en vers français par le prince Élim Mestscherski (Paris, 1846) присоединены (стр. 375 — 379) двѣ басни Крылова: «Дерево»,

лова, обогатилъ ими же италіянскую литературу, которая до того времени ничего не знала о нашемъ баснописцѣ. Прозаическое переложеніе басенъ Крылова на французскій языкъ было распредѣлено между 30-ю италіянскими литераторами, въ числѣ которыхъ находились писатели, пользовавшіеся заслуженною литературною извѣстностью, какъ напр. Монти, Пиндемонте, Медзанотте, Риччи, Анджелони, Буттура и Лампреди. Подражанія италіянскія отличаются особенною говорливостью; несоразмѣрность ихъ съ подлинникомъ удивительна: такъ 41 стихъ басни «Орелъ и Кротъ» обратились въ италіянскомъ переложеніи въ 170 строкъ. Особенность подражаній составляетъ еще правильная и симметрическая версификація; многія басни переданы терцетами, другія четверостишіями, большая часть шестистишіями, нѣкоторыя октавами, одна даже въ формѣ сонета.

Хотя италіянская литература вообще богата апологами, тѣмъ не менѣе въ глазахъ Сальфи, написавшаго вступленіе къ италіянскимъ переложеніямъ, басни Крылова составляютъ для нея пріобрѣтеніе, и притомъ весьма цѣнное. Совершенно новые сюжеты, не смотря на множество ихъ у древнихъ и новыхъ баснописцевъ, простота разсказа и изложенія, одушевленная мѣстными чертами, важность и изящество нравоученія, которое Крыловъ никогда не опускаетъ, суть такія достоинства, которыя, по мнѣнію Сальфи, ставятъ нашего баснописца въ рядъ первостепенныхъ.

Упомянутыя переложенія басенъ Крылова на италіянскій языкъ были, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ сборника графа Орлова, изданы отдѣль-

---

въ переводѣ Александра Суме (Soumet), и «Оселъ и Соловей», въ переводѣ Дешана (Emile Deschamps). Послѣдняя басня въ этомъ же переводѣ была еще ранѣе, именно въ 1829 году, напечатана въ Le Furet, journal de littérature et des théâtres, № 36. Въ Mercure du XIX siècle, 1824 года (Paris, t. VII, p. 289) помѣщенъ переводъ Ноде (Naudet) басни Крылова: «Фортуна и Нищій» (fable imitée du Russe), безъ показанія кто написалъ оригиналъ. 1-я тетрадь Journal des Dames et des Modes 1825 года была украшена переводомъ басни «Мартышка и Очки», откуда ее перепечаталъ Journal de St. Pétersbourg, 1825 (№ 50). Въ этой же газетѣ, въ томъ же году (№ 65), былъ еще помѣщенъ переводъ трехъ басенъ: «Ручей», «Собачья Дружба» и «Мартышка и Очки». Наконецъ басня «Листы и Корни», въ переводѣ г-жи Целестины Віенъ (Vien), была напечатана въ L'Année française, 1825, t. 2, p. 481.

ною книгою [1]). Изъ нея же былъ извлеченъ и напечатанъ особою брошюрою переводъ, исполненный Антоніемъ Цезари [2]). Кромѣ этихъ двухъ перепечатокъ, на италіянскомъ языкѣ болѣе не выходило ни одного перевода басенъ Крылова.

Переводы отдѣльныхъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ начали появляться въ двадцатыхъ годахъ, и сколько намъ извѣстно первоначально только въ Россіи. Естественно, что въ это время критика касалась только точности и изящества перевода; о художественномъ значеніи произведеній Крылова не могло быть и рѣчи, такъ какъ вопросъ этотъ у насъ уже давно считался рѣшеннымъ.

Еще въ 1823 году Карлъ Фридрихъ фонъ деръ Боргъ, помѣстившій въ своемъ сборникѣ, носящемъ заглавіе: Poetische Erzeugnisse der Russen, переводъ 10 басенъ Крылова [3]), замѣтилъ, что они отличаются самобытностью изобрѣтенія, простотою и правдивостію картинъ, остроуміемъ и правильнымъ, чисто русскимъ языкомъ. Этому приговору, принадлежащему человѣку, знакомому съ Россіей, совершенно противорѣчитъ мнѣніе о басняхъ Крылова, высказанное человѣкомъ, не знавшимъ ни слова по русски (der kein Russisch versteht). Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ 1825 года [4]) былъ помѣщенъ небольшой раз-

---

[1]) Favole Russe del Kriloff, imitate in versi Italiani da varj Chiarissimi Autori alcune delle quali rivedute e corrette dagli autori medesimi e precedute da una prefazione Italiana di F. Salfi. Perugia, 1827. 8°. 252 стр.

[2]) Favole Russe del Kriloff, imitate in Versi Italiani da Antonio Cesari. S. l. et a. 8°. 16 стр. Цезари переложилъ въ итальянскіе стихи слѣдующія басни: «Синица», «Конь и Всадникъ», «Любопытный», «Гребень», «Волкъ на псарнѣ» и «Собачья дружба». Къ брошюрѣ приложено обращеніе къ читателю; въ этомъ обращеніи мы нашли нѣсколько словъ о басняхъ Крылова: «Una raccolta di tutte le Favole del Kriloff, che può dirsi il La Fontaine della Russia, e per la novità de'suoi subbietti, e per l'originalità de'suoi pensieri, e per la vivacità de'suoi colori, imitate in versi Italiani da classici scrittori viventi, vide la luce quest'anno in Perugia dai tipi di Baduel. Promotore di questa fu il celeberrimo Conte Orloff...» Въ концѣ обращенія сказано: «Invitato l'Abbate Cesari a prender parte in questa lodevole impresa, scrisse la traduzione delle sei favole che ora si riproducono separate dalla raccolta, onde appagare le brame di coloro che fanno tesoro delle opere di quest'insigne Veronese».

[3]) Боргъ перевелъ слѣдующія басни: «Разборчивая Невѣста», «Мѣшокъ», «Лисица и Сурокъ», «Щука и Котъ», «Крестьянинъ и Лисица», «Прохожіе и Собаки», «Лебедь, Щука и Ракъ», «Гуси», «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ».

[4]) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1826, 150 St., стр. 1493—6. «... Nicht

боръ перевода басенъ Крылова, изданнаго графомъ Орловымъ. Рецензентъ, между прочимъ, замѣтилъ, что нѣкоторыя басни Крылова, хотя о достоинствѣ ихъ и трудно судить по подражаніямъ, не представляютъ ни особеннаго изящества, ни особеннаго ума.

Еще болѣе строгій приговоръ баснямъ Крылова явился въ 1842 году, въ Repertorium der gesammten deutschen Literatur. Въ этомъ году Фердинандъ Торней напечаталъ переводъ всего Крылова, посвященный имъ бывшему министру народнаго просвѣщенія графу Уварову[1]). Критикъ, разбирая этотъ переводъ, подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ Россіи, господствовавшаго тогда въ Германіи, враждебно отнесся къ нашему баснописцу и прямо сказалъ, что его басни не стоило переводить на нѣмецкій языкъ, и вотъ на какомъ основаніи: нравоученія басенъ большею частью очень тривіальны, вымыселъ бѣденъ, слабъ, слишкомъ прозаиченъ и часто вовсе не соотвѣтствуетъ характеру басни; изложеніе лишено вкуса и не имѣетъ ни граціи, которая присуща Лафонтену, ни эпиграмматической сжатости, которая такъ нравится у Эзопа, Федра и Лессинга[2]). На сколько справедливъ этотъ рѣзкій приговоръ, предоставляется судить каждому, знакомому съ Крыловымъ.

überall ist diese Erfindung besonders fein und geistvoll...». Переводъ этой рецензіи помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1826, ч. X, № 16, стр. 345 — 348.

[1]) Iwan Krylow's Fabeln in acht Büchern. Aus dem Russischen von Ferdinand Torney. Mit dem Bildnisse des Dichters. Mitau u. Leipzig, 1842. 8⁰. XX и 308 стр.

[2]) Gersdorf's Repertorium der gesammten deutschen Literatur, Bd. XXXIII, 1842, стр. 383—4: «So sehr auch das Interesse an der russischen Literatur gerechtfertigt erscheint, diese Fabeln hätten gleichwohl nicht verdient, in's Deutsche übersetzt zu werden. Die beabsichtigten Lehren sind nicht nur zum grössten Theil sehr trivial, sondern auch die Erfindung der Einkleidung arm, matt und allzu prosaisch, ja nicht selten den Charakter der Fabel ganz verlassend; die Sprache geschmacklos und breit, ohne jene rhetorische Grazie, welche uns an Lafontaine, oder jene epigrammatische Kürze, die uns an Aesop, Phädrus und Lessing gefällt. Selbst schon bekannte Aesopische Fabeln werden uns in dieser Weise verschlechtert vorgeführt. Dazu wird die Geschmacklosigkeit der Darstellung noch vermehrt durch eine eben so geschmacklose Uebersetzung. Es ist möglich, dass der Verfasser durch ein erfahrungsreiches Leben Gelegenheit hatte, bei tüchtiger und edler Gesinnung sich selbständig gewisse Lebensmaximen und Weltansichten zu bilden; aber einen sehr unglücklichen Griff that er, indem er die

Впрочемъ въ нѣмецкой литературѣ вскорѣ послѣ этого появился болѣе вѣрный и болѣе достойный взглядъ на Крылова. «Главнѣйшее преимущество русскаго баснописца предъ другими — такъ говорилъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей въ 1843 году — заключается въ неисчерпаемомъ богатствѣ міра его созерцаній, равно какъ и въ выборѣ предметовъ для своихъ произведеній. Въ его твореніяхъ замѣтны и изумительная проницательность, и глубокое здравомысліе. Благодаря этимъ качествамъ, въ его басняхъ нѣтъ ни неправильной картины, ни рѣзкаго сравненія, ни натянутаго примѣненія. Однимъ словомъ Крыловъ — высокій художникъ въ той области поэзіи, гдѣ главную роль играетъ наблюдательность или наставленіе»[1]).

Одинъ изъ переводовъ, явившихся въ послѣднее время, именно переводъ 10 басенъ, сдѣланный г. Минцлофомъ[2]), былъ предпринятъ съ тою цѣлью, чтобы наглядно опровергнуть высказанный парадоксъ, будто нѣмецкій языкъ недостаточно гибокъ и ясенъ, чтобы переводить Крылова стихами. Попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что и прежде

Form der Fabeln für ihre Mittheilung erwählte». Въ чертахъ Крылова, судя по его портрету, приложенному къ переводу, критикъ нашелъ сходство съ Лютеромъ.

[1]) Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Von C. W. Wolfsohn. Leipzig, 1843. 8° 1-er Bd., стр. 92—98. «Der hauptsächlichste Vorzug Krülow's vor anderen Fabeldichtern ist sein unerschöpflicher Reichtum, an Betrachtungen sowohl als in der Wahl von Gegenständen, an die er seine Betrachtung knüpft. In seinem Beobachten ist eine Schärfe, die in Verwunderung setzt; so sicher ist seine Logik, so kraft-und markvoll alles, was er ein Mal durchdacht, dass man nie ein schielendes Bild, nie einen schwankenden Vergleich, nie eine herbeigezogene Anwendung in seinen Fabeln wahrnimmt, und wäre sie auch noch so neu und originell. Jede seiner Fabeln ist an sich ein so vollständiges, durchgeführtes Meisterbild, lehnt sich so überaus selten an eine andere, und dabei ist von irgend einer Wiederholung so wenig eine Spur, dass man sich nur wundern muss, wie der alte Mann sich nicht endlich einmal ausschreibt. Und doch wird er immer treffender, immer origineller, immer tiefer, je mehr er schreibt».

Столь же высоко оцѣнилъ басни Крылова Фридрихъ Отто, издавшій въ 1837 году Lehrbuch der russischen Literatur. См. стр. 197.

[2]) Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Russlands, von R. Minzloff. Berlin, 1854. 8°. XII и 204 стр. Г. Минцлофъ перевелъ слѣдующія басни: «Квартетъ», «Тришкинъ кафтанъ», «Демьянова уха», «Любопытный», «Музыканты», «Обозъ», «Крестьянинъ и Работникъ», «Котъ и Поваръ», «Троеженецъ», «Вельможа и Философъ».

этого мы уже имѣли нѣсколько довольно удачныхъ переводовъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ.

Здѣсь же кстати упомянуть еще о другой попыткѣ, именно о переложеніи басенъ Крылова на музыку. Г. Рубинштейнъ написалъ музыку на слѣдующія 5 басенъ, въ нѣмецкомъ переводѣ Спрато: «Оселъ и Соловей», «Квартетъ», «Парнасъ», «Орелъ и Кукушка», «Муравей и Стрекоза»[1]).

Благодаря новымъ хорошимъ переводамъ басенъ Крылова, какъ напр. Абеля[2]), и болѣе обширному знакомству съ произведеніями нашей словесности, въ настоящее время и въ нѣмецкой литературѣ установился надлежащій взглядъ на нашего баснописца и эстетическая оцѣнка его произведеній уже болѣе не расходится съ здравымъ смысломъ[3]).

Въ Россійской Антологіи, изданной Джономъ Боурингомъ, находится сдѣланный имъ переводъ на англійскій языкъ двухъ басенъ Крылова: «Оселъ и Соловей» и «Лебедь, Щука и Ракъ», изъ которыхъ первая дана была переводчику въ рукописи самимъ баснописцемъ. Въ введеніи Боурингъ нѣсколькими словами охарактеризовалъ произведенія каждаго поэта, которыя нашли мѣсто въ Антологіи, и о басняхъ Крылова замѣтилъ, что они обращаютъ на себя вниманіе остроуміемъ и самостоятельностію[4]).

---

[1]) Fünf Fabeln von Kriloff aus dem Russischen übersetzt von R. Sprato, für eine Singstimme mit Clavierbegleitung componirt von Anton Rubinstein. Op. 64. Leipzig. gr. 4°. 27 стр.

[2]) Probe einer Uebersetzung von Iwan Kryloffs russischen Fabeln. Berlin, 1856. Объ этомъ переводѣ см. Московскія Вѣдомости 1857, № 5, стр. 22, и С.-Петербургскія Вѣдомости 1856, № 281, стр. 1592. Абель перевелъ 10 басенъ: «Музыканты», «Лягушка и Волъ», «Оракулъ», «Василекъ», «Чижъ и Ежъ», «Мартышка и Очки», «Червонецъ», «Квартетъ», «Лебедь, Щука и Ракъ».

[3]) Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе нѣмецкіе переводы басенъ Крылова: анонимный 196 басенъ (Fabeln von Krylow, treu übersetzt aus dem Russischen ins Deutsche von einer Deutschen. St. Petersbourg 1863. 8°. 6 ненум. и 257 стр.), Фрюауфа двухъ басенъ: «Гуси» и «Оселъ и Соловей» (Gedichte verschiedenen russischen Dichtern nachgebildet von Dr Johann Ludwig Wilhelm Früauf. St. Petersburg (1818). 8°) и Вальда также двухъ басенъ: «Оселъ и Соловей» и «Ларчикъ» (Anthologie russischer Dichter metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. Odessa 1860. 8°).

[4]) Этотъ Боурингъ въ введеніи, между прочимъ, сообщаетъ свѣдѣніе о томъ, что Крыловъ занимался переводомъ Геродота. (Россійская Антологія. Specimens of the Russian poets: translated by John Bowring, F. L. S.

По поводу выхода въ свѣтъ изданнаго графомъ Орловымъ перевода басенъ Крылова на французскій и итальянскій языки, въ одномъ англійскомъ журналѣ была помѣщена рецензія на это изданіе, авторъ которой, осудивъ мысль переводить писателя цѣлымъ обществомъ литераторовъ, и притомъ не знающихъ того языка, на которомъ писалъ переводимый ими авторъ, указалъ въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ и причины, почему Крыловъ представлялъ трудности для переводчиковъ, и нѣкоторыя характеристическія черты его музы: «Крылова изъ всѣхъ поэтовъ русскихъ переводить наитруднѣе, потому что онъ есть самый оригинальный; въ его антитезахъ, рѣзкой и краткой сатирѣ, соли эпиграмматической, разнообразномъ стихосложеніи заключаются такія красоты, коихъ невозможно передать буквальною прозою. Онъ взялъ за образецъ Лафонтена, и хотя не равняется съ своимъ образцемъ въ чистосердечіи и шутливости, но избѣгаетъ его нескромной грубости и Муза его возвышается часто до высокаго тона нравственнаго чувства»[1]).

Изъ переводовъ басенъ Крылова на скандинавскіе языки мнѣ извѣстенъ только датскій, исполненный Александромъ Карловичемъ. На шведскій языкъ, по доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, басни Крылова не переведены, не смотря на то, что этотъ языкъ служитъ языкомъ литературнымъ въ Финляндіи, образованнымъ людямъ которой русскій языкъ не совершенно чуждъ. За то на языкъ сѣверно-чудскій (на онежское и оятское его нарѣчія) сдѣланъ, при пособіи грамотныхъ мѣстныхъ жителей, профессоромъ гельсингфорскаго университета Альквистомъ (Ahlquist) опытъ перевода нѣсколькихъ басенъ нашего баснописца[2]).

Полныхъ переводовъ басенъ Крылова на славянскіе языки,

With preliminary remarks and biographical notices, London, 12⁰, имѣла два изданія, оба вышедшія въ 1821 году.

[1]) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 7, Апрѣль, стр. 305. Здѣсь же приведены переведенныя на англійскій языкъ три басни Крылова: «Левъ и Волкъ», «Туча», «Пловецъ и Море». Въ 1826 году Соундерсъ перевелъ четыре басни Крылова: «Собачья дружба», «Демьянова уха», «Любопытный (The Naturalist)», «Сочинитель и Разбойникъ» (Poetical translations from the Russian language. By William Henry Saunders. London 1826. 8⁰).

[2]) Acta societatis scientiarum Fennicae (Anteckningar i Nord-Tschudiskan, стр. 58—61), t. VI. Helsingforsiae, 1861. 4⁰.

за исключеніемъ перевода на польскій, не имѣется; впрочемъ, при ближайшемъ знакомствѣ Славянъ съ нашимъ языкомъ и при господствующемъ въ настоящее время стремленіи къ его изученію, переводы эти не замедлятъ явиться. Уже и теперь въ Чехіи десять басенъ Крылова, переведенныя прозою на чешскій языкъ Коларжомъ, объясненныя и растолкованныя имъ, служатъ пособіемъ для начинающихъ изучать русскій языкъ [1]). Безъ всякаго сомнѣнія Крыловъ составитъ столь же любимое чтеніе у Славянъ, какъ и у насъ, и красоты его разсказа будутъ имъ болѣе понятны чѣмъ иноземцамъ. Многіе польскіе писатели неоднократно трудились надъ передачею басенъ Крылова [2]). Полный печатный переводъ ихъ на польскій языкъ принадлежитъ Флоріану Яловицкому [3]) и отличается неоспоримыми достоинствами; большая часть басенъ передана художественно и притомъ дословно вѣрно. Переводъ Глинскаго, начавшій выходить въ 1860 году [4]), также имѣетъ художественное достоинство. Переводчикъ, самъ поэтъ, въ небольшомъ предисловіи, предпосланномъ своему труду, замѣтилъ что Крыловъ занимаетъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какое Красицкій въ польской, а Лафонтенъ въ французской [5]).

Крылова переводили не только на европейскіе языки, но и на восточные. Въ 1863 году Ѳ. Кельзи перевелъ на арабскій языкъ 10 басенъ Крылова, а въ 1866 году Гавр. В. Айвад-

---

[1]) Дéсятеро бáсенъ И. А. Крылóва. Съ чéшскимъ перевóдомъ, объяснéніемъ и съ разговóрами. Desatero bájek I. O. Krylova. S českým překladem, výkladem a s rozmluvami. Pro začátečníky v ruském čtení upravil J. Kolář. V Praze 1868. 16⁰. 30 стр.

[2]) Графъ Максимиліанъ Фредро оставилъ послѣ себя полный переводъ Крылова. См. Сѣверн. Пчела, 1845, № 58, стр. 229.

[3]) Bajki J. Kryłowa w dziewięciu księgach tłómaczone z Rossyiskiego. Wilno, 1851. 8⁰. 323 и 7 ненум. стр. Довольно обстоятельный разборъ этого перевода помѣщенъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1852, т. 75, отд. VI, стр. 204 — 209.

[4]) Bajki Kryłowa. Przełożył A. J. Gliński. Poczet piérwszy. Wilno, 1860. 16⁰. 4 ненум., II, 101 и 2 ненум. стр.

[5]) Мы еще нашли подражаніе баснямъ Крылова: «Слонъ на воеводстнѣ», «Кошка и Соловей», «Котъ и Поваръ», въ слѣдующемъ изданіи: Bajki i powiastki w naśladowaniu Kryłowa i Krasickiego skreślił Pobereżny. Zeszyt 1. Warszawa, 1865. 4⁰, и въ сочиненіяхъ Литинскаго переводъ трехъ басенъ Крылова: «Слонъ на воеводствѣ», «Конь и Оселъ» и «Любопытный» (Pisma rozne wierszem i prozą Tad. N. L. T. 5. W Wilnie 1817. 12⁰).

жеанъ передалъ на армянскій языкъ 91 басню Крылова и напечаталъ свой переводъ въ Ѳеодосіи [1]).

Ранѣе этого было сдѣлано два еврейскихъ перевода басенъ Крылова: одинъ на древне еврейскій языкъ Рейхерсономъ [2]), другой на еврейско-нѣмецкій Каценеленбогеномъ [3]). Рейхерсонъ перевелъ всѣ басни Крылова и его трудъ составляетъ капитальное пріобрѣтеніе еврейской литературы. Вотъ что говоритъ компетентный судья объ этомъ переводѣ: «Переводчикъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать: онъ передалъ прекрасными и легкими стихами содержаніе каждой басни, придерживаясь очень близко къ подлиннику тамъ, гдѣ дозволялъ ему духъ и строеніе рѣчи языка, имъ избраннаго. Въ нѣкоторыхъ басняхъ переводчикъ допустилъ неважныя, но очень благоразумныя измѣненія, доказывающія его отличный вкусъ и знаніе публики, для которой переводъ его предназначенъ. Такъ, напримѣръ, «Парнасъ» переименовалъ онъ въ «Гору Морія», и изгнанные боги Греціи у него замѣнены изгнанными левитами, которые пѣвали на этой горѣ во время существованія храма. Эта замѣна — удачна и исполнена такта. Многія изъ басенъ вышли въ переводѣ превосходны; къ этой категоріи относятся басни: «Оракулъ», «Собачья дружба», «Бочка», «Откупщикъ и Сапожникъ», «Левъ состарѣвшійся» и много другихъ. За то есть и нѣсколько посредственныхъ переводовъ, и даже довольно слабыхъ, какъ напр. «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ», «Квартетъ», «Зеркало и Обезьяна» и еще двѣ — три, въ которыхъ переводчикъ очевидно никакимъ образомъ не могъ совладать съ трудностями подлинника, отличаю-

---

[1]) Русско-арабскіе общественные разговоры, составленные въ пользу студентовъ восточнаго факультета при Санктпетербургскомъ университетѣ..... Ѳ. Кельзи (изъ Алепо),..... съ приложеніемъ опыта перевода басень И. А. Крылова на арабскій языкъ. Спб. 1863. 8°. Переведены слѣдующія басни: «Ворона и Лисица», «Дубъ и Трость», «Лягушка и Волъ», «Разборчивая невѣста», «Прохожіе и Собаки», «Заяцъ на ловлѣ», «Мѣшокъ», «Лань и Дервишъ», «Фортуна и Нищій», «Вельможа».

[2]) Тикунъ Мешалимъ или басни И. А. Крылова въ девяти книгахъ. Переведенныя на еврейскій языкъ М. Д. Рейхерсономъ. Вильно, 1860. 12°. XVI, 394 и 2 ненум. стр.

[3]) Мишле-мусаръ, т. е. басни нравоучительныя, переведенныя изъ Крылова на еврейско-нѣмецкій языкъ С. Каценеленбогеномъ. Вильно, 1861. 12°. VIII и 48 стр. Всѣхъ басенъ переведено 22.

щагося въ этихъ басняхъ особеннымъ юморомъ языка, или художественнымъ очертаніемъ въ двухъ словахъ русскихъ нравовъ»[1]).

Почти за четверть столѣтія передъ симъ, въ этой же залѣ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей Крылова, издавшій собраніе сочиненій нашего знаменитаго баснописца и написавшій лучшую его біографію, заявляя объ утратѣ, постигшей и Академію и отечественную словесность въ лицѣ Ивана Андреевича, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Крыловъ для другихъ націй всегда останется какъ самый вѣрный и точный представитель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли.

«Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ Крылова возникали, принимали образы и полную жизнь геніяльныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художнической красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизмѣнныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія созидаются только природою и геніями».

Въ этихъ словахъ разгадка того обаятельнаго вліянія, которое оказываютъ произведенія Крылова не только на каждаго русскаго, но и на иностранца, едва познакомившагося съ нашимъ языкомъ, едва вошедшаго въ соприкосновеніе съ нашею жизнью; отсюда становятся понятны и узкіе взгляды на Крылова, высказывавшіеся иногда въ иностранныхъ литературахъ, и то безусловное поклоненіи переводчиковъ, когда они, посвятивъ годы на изученіе Крылова, передаютъ своимъ соотечественникамъ его вѣчно юныя, глубоко-наставительныя произведенія.

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда нашъ языкъ и наша литература сдѣлаются предметомъ изученія въ Западной Европѣ; съ этимъ вмѣстѣ утвердится и слава Крылова на основаніи незыблемомъ и его художественное значеніе безусловно будетъ признано всѣми.

---

[1]) См. Разсвѣтъ, органъ русс. Евреевъ, годъ 1860—61, № 39, стр. 625—626. Мы еще имѣемъ: опытъ перевода басенъ Крылова на древне-еврейскій языкъ въ составленномъ А. І. Мандельштамомъ Ebraisches Elementarbuch, напечатанномъ въ Вильнѣ, въ 1849 году, и подражаніе нѣкоторымъ баснямъ Крылова въ сочиненіи Лейбы Ошеровича Гордона, носящемъ заглавіе: Мишле Іегуда, т. е. Іудейскія басни (Вильно, 1859. 12⁰).

Извлечено изъ XV тома Записокъ Императорской Академіи Наукъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

БРАТСТВА СВЯТА... БИБЛІО...

2010515108